Митрополит Иларион: Мы постоянно повышаем образовательную планку для духовенства

29 июля 2017 года в передаче «Церковь и мир», выходящей на телеканале «Россия-24» по субботам и воскресеньям, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион ответил на вопросы ведущей телеканала Екатерины Грачевой.

Екатерина Грачева: Здравствуйте, это программа «Церковь и мир», в которой мы беседуем с председателем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополитом Волоколамским Иларионом об актуальных событиях в России и за рубежом.

Владыка, здравствуйте!

Митрополит Иларион: Здравствуйте, Екатерина, здравствуйте, дорогие братья и сестры!

Е. Грачева: Левада-Центр провел свежий опрос о желании россиян покинуть страну и уехать жить за рубеж на ПМЖ. 79% ответили, что не хотят уезжать за границу, и 3% – что точно хотели бы уехать (для сравнения, в мае 2013 года их было рекордное для России 22%). Но есть и плохая новость: те же социологи говорят, что процент уезжающих напрямую зависит от количества высококвалифицированных кадров в стране, то есть уезжают, по сути дела, лучшие. Как этих лучших мотивировать вернуться в Россию или, по крайней мере, вернуться после учебы для того, чтобы работать здесь?

Митрополит Иларион: Всегда есть люди, которые психологически, эмоционально, духовно не привязаны к своей стране. И всегда есть определенный процент людей, готовых уехать куда угодно и начать там новую жизнь, потому что предложения более выгодные или зарплаты более высокие, или, случается, что люди эмигрируют по семейным обстоятельствам. Думаю, что с этим мы ничего не сделаем.

Что же касается того, чтобы постоянно делать страну все более и более привлекательной для ее жителей, думаю, это наша общая задача – и государства, и общества, и религиозных конфессий. Кроме того, это, конечно, задача работодателей, потому что мы должны понимать, что если человек трудится, а у него нет достойной зарплаты, то это никогда не будет способствовать повышению качества его труда. То есть человек должен понимать, что если он будет хорошо работать, то и получать будет соответствующим образом.

Но должен сказать, что проблема иммиграции, проблема оттока людей – не только проблема России, но это касается даже и вполне благополучных старых членов Европейского Союза, таких как, например, Франция. Недавно я побывал в этой стране, и мне говорили, что очень многие уезжают из Франции, потому что не видят здесь перспектив, молодежь не видит достаточных перспектив для самореализации, уровень безработицы очень высокий – 11%. И конечно, еще очень высокие налоги, особенно налоги на недвижимость, налоги на так называемую роскошь. И многие люди уезжают из Франции в Швейцарию, Бельгию или в Америку: одни для того, чтобы не платить налоги, другие для того, чтобы больше зарабатывать.

Приведу еще один пример – это Англия и Америка. Допустим, профессор Оксфордского университета – казалось бы, очень престижная должность, заслуженный человек, но он будет получать, может быть, в 1,5-2-3 раза меньше, чем профессор какого-нибудь гораздо менее известного университета в Америке. В итоге получается, что профессора из самых престижных университетов Старого Света уезжают в Новый Свет для того, чтобы там получать большие зарплаты.

Е. Грачева: Владыка, Вы тоже имеете опыт жизни и работы за рубежом. Так ли это плохо, если современная российская семья имеет материальную возможность для того, чтобы отправить детей на учебу в Соединенные Штаты Америки или в тот же Лондон, и ребенок возвращается сюда уже высококвалифицированным специалистом, может рассчитывать на серьезную должность, на хорошую зарплату… Мы же ориентированы на то, что у нас экономика должна быть модернизированной и должны работать лучшие специалисты со знанием иностранных языков. Когда к Вам обращаются за таким советом, что бы Вы сказали родителям, стоит ли детей отправлять?

Митрополит Иларион: Хочу сказать, что это совсем неплохо, чтобы дети, юноши и девушки учились за границей. Я сам учился два года в Оксфордском университете и мне это обучение в плане научного развития дало гораздо больше, чем предшествующие годы учебы в Московской духовной семинарии и академии, а также годы, когда я занимался самообразованием по книгам, по учебникам и пособиям разного рода.

У нас в Церкви студенты тоже регулярно отправляются учиться за рубеж, и мы также принимаем студентов из-за рубежа. У нас есть Комиссия по студенческому обмену, которую я возглавляю как председатель Отдела внешних церковных связей. И у нас только на моем персональном учете около 100 студентов из наших духовных школ, которые обучаются за рубежом – в Греции, в Сербии, в Италии, в Америке, в Швейцарии, в Германии – и примерно столько же студентов, которые обучаются у нас. То есть, на мой взгляд это очень правильный процесс, потому что он

позволяет расширить горизонты. А если они не возвращаются и остаются за рубежом, то это уже не очень хорошо для страны, ибо получается, что мы теряем людей.

И здесь встает уже следующий вопрос: когда человек заканчивает обучение, он всегда себя спрашивает: ждут ли меня дома, а что меня ждет там? Для многих, особенно тех, кто уехали в детском возрасте, поступление в иноязычную школу, длительное, многолетнее пребывание в иноязычной среде заканчивается тем, что они перестают себя чувствовать русскими людьми. Им проще общаться со своими сверстниками на французском, на итальянском, на английском – на том языке, на котором они получили образование, нежели на своем родном языке, который фактически перестает для них быть родным.

Поэтому когда ко мне обращаются с такими вопросами, а ко мне часто с ними обращаются, я всегда пытаюсь себе представить ситуацию комплексно. Если есть риск, что ребенка отправят и потом он не вернется, то я, конечно, не советую родителям отправлять его за рубеж.

Есть еще здесь один момент: когда 20 с лишним лет назад я вернулся из Оксфорда, у меня была такая идея фикс, что нам надо как можно большее число студентов наших духовных семинарий и академий отправлять на обучение за рубеж. Но опыт показал, что это далеко не всегда приносит хорошие плоды. Во-первых, некоторые из них просто остаются там и куда-то растворяются. Во-вторых, некоторые приезжают с совершенно искаженным сознанием, их потом трудно реинтегрировать в нашу российскую действительность. А в-третьих, и самое главное, я понял, что вместо того, чтобы все время отсылать куда-то за рубеж, мы должны создать свою систему: сохранив все лучшее из нашей системы высшего образования, в то же время заимствовать ту методологию, которая существует сейчас на Западе и которая себя оправдала, чтобы максимально повысить уровень нашего образования. И этим мы как раз занимаемся, в частности, в Общецерковной аспирантуре и докторантуре, в ряде других вузов.

Е. Грачева: Владыка, Вы сравнили свое обучение в семинарии в России с Оксфордом. Сейчас продолжается подача заявок на поступление в семинарии, и прослеживается интересная тенденция: по сравнению с прошлым годом желающих получить духовное образование стало больше, но при этом заявок на заочное отделение подают больше, чем на очное, и священников из выпускников-заочников больше, чем очников. Что это за новый тренд и с чем он связан?

Митрополит Иларион: Этот тренд не новый, он уже существовал. Дело в том, что сейчас мы постоянно повышаем образовательную планку для духовенства, в том числе уже для состоявшегося духовенства. Когда-то я мог быть рукоположен в сан дьякона и в сан священника, не имея ни одного дня пребывания в духовной школе: я учился заочно уже после того, как стал священником. Но сейчас правила изменились, сейчас уже не может человек просто так, не

получив никакого духовного образования, стать даже дьяконом.

С другой стороны, мы повышаем планку и для тех, кто уже имеет священный сан. То есть если человек даже был когда-то рукоположен, не получив духовного образования, он все-таки должен его получить, и тогда, как правило, он получает его заочно.

Кроме того, у нас сейчас заметно расширяется опыт обучения одновременно в двух или трех учебных заведениях. Я, например, знаю студентов, которые учатся в МГИМО и одновременно заочно учатся в духовной семинарии. Или они проходят курс бакалавриата в МГЛУ – в лингвистическом университете, а заочно учатся, опять же, в духовной семинарии. Чем это хорошо? Тем, что человек получает полноценное, скажем, образование лингвистическое и одновременно духовное образование путем обучения на заочном секторе.

Но такая схема срабатывает не во всех случаях, ибо то, что дает духовная семинария, – это воцерковление. Если, например, я вижу, что человек с детских лет в храме, допустим, он 10 лет алтарничает, в совершенстве владеет церковнославянским языком, чувствует богослужение – это глубоко воцерковленный человек, даже если при этом он учится в светском вузе. И я считаю, что такой человек может заочно пройти если не весь семинарский курс, то, по крайней мере, его часть. А если человек «с улицы» делает только первые шаги на пути воцерковления, но при этом уже хочет стать священником, тогда, конечно, ему надо поступить на очное отделение, чтобы не только получить ту сумму знаний, которую дает духовная семинария, но и напитаться духом этой церковной жизни, войти в ее строй.

Поэтому здесь очень важен индивидуальный подход. И когда мы воспитываем будущих священников, мы всегда приглядываемся к каждому человеку.

Е. Грачева: Ну и, наверное, все-таки жизненный опыт и наличие высшего образования означает, что и выбор человека стать священником более осознанный, в отличие от юноши 14-15 лет? Или здесь нет связи?

Митрополит Иларион: Думаю, что здесь нет связи, ибо я как раз свой выбор стать священником сделал в 15 лет. Дьяконом я стал в 20 лет, священником в 21 и при этом, как я уже сказал, формально не имел вообще никакого духовного образования. Но я много читал и для своего возраста был достаточно начитан в богословской литературе. Я с 15 лет прислуживал в храме в качестве алтарника, чтеца, иподиакона. Когда я учился в последнем классе школы, уже сотрудничал с Издательским отделом Московской Патриархии в качестве редактора церковнославянских текстов – это все-таки нелегкая задача. Поэтому когда перед архиереем встал вопрос о моем рукоположении, то он, в общем-то, насколько я понимаю, решение принял без

колебания. Конечно, потом я прошел полный курс и семинарии, и академии, но так как мне этого не хватило, я потом еще дополнил обучение Оксфордским университетом. Ну и, в общем-то, путем самообразования я продолжаю учиться и сейчас, потому как для меня этот процесс обучения не остановился.

Е. Грачева: Владыка, Роспотребнадзор обсуждает возможность ограничения мест и времени продажи крепких спиртных напитков. Только ли ограничительными мерами можно решить этот вопрос? Какие аргументы, скажем, члены семьи должны находить для вразумления родственников, страдающих алкогольной зависимостью?

Митрополит Иларион: Ограничительные меры важны. Я думаю, что если на что-то и надо повышать цены, то как раз на алкогольную продукцию, потому что это не предмет первой необходимости. Человек вполне может прожить без алкоголя, по крайней мере, без крепкого алкоголя, который оказывает разрушительное воздействие на людей.

Е. Грачева: Владыка, Вы говорите, повышать цены. Я на днях в магазине посмотрела: цена кагора нормального качества начинается от 800 рублей. Это дорого для среднего россиянина. Кагор отечественного производства. Тогда они точно перейдут на крепкий алкоголь.

Митрополит Иларион: Кагор не так опасен, как водка, особенно водка низкого качества, употребляемая в больших количествах, водка, которая продается по низкой цене. Я думаю, прежде всего, речь должна идти о крепких алкогольных напитках. Ведь, как правило, если речь идет о дешевых крепких алкогольных напитках, то это алкогольные напитки очень низкого качества. То есть помимо того, что сам алкоголь вредит организму, организму еще вредят всякие химические добавки, которые там присутствуют, а мы не знаем, что это за добавки. Ведь когда на бутылке водки мелким шрифтом, который невозможно даже прочесть, написан ее состав, или когда вообще не написано, из чего сделана водка, то человек не знает ее происхождение.

Е. Грачева: Некоторые высказывают мнение: а не проще ли в стране легализовать в малых количествах марихуану, как это делает, например, Швейцария, и что это наносит меньший вред, а некоторые даже утверждают, что приносит пользу организму. Вы жили за границей, что Вы думаете об этом опыте Швейцарии, например?

Митрополит Иларион: Думаю, что это не тот опыт, который стоит перенимать у Швейцарии. У Швейцарии можно много чего перенять, это интересная страна. Страна, где люди заботятся о своей земле, где каждый клочок земли ухожен, обработан. Страна, где есть своя сельскохозяйственная продукция – в этом, думаю, можно брать пример со Швейцарии, учитывая, конечно, разницу в размерах. Потому что возделывать клочок земли легко, а возделывать гектары

земли уже гораздо сложнее.

Е. Грачева: Но из двух зол, все же, что меньшее зло для организма – паленая водка или марихуана?

Митрополит Иларион: Думаю, плохо и то, и другое.

Во второй части передачи митрополит Иларион ответил на вопросы телезрителей, поступившие на сайт программы «Церковь и мир» ***vera.vesti.ru.***

Вопрос: Меня беспокоит то, как теперь стали исповедовать священники в нашем соборе. Священник, глядя в телефон, вслух перечисляет все возможные грехи, а потом прихожане конвейером подходят, каждый называет свое имя. Затем священник кладет на его голову руку, крестит ее и далее идет следующий. В итоге никакого облегчения я не получаю.

Митрополит Иларион: Я вполне Вас понимаю, что Вы не получаете никакого облегчения, ибо то, что Вы описали, больше похоже на профанацию исповеди, чем на саму исповедь. Исповедь – это Таинство, когда верующий приходит к священнику и называет свои грехи. Священник с ним беседует, потом читает разрешительную молитву и тогда, действительно, наступает облегчение.

То, что Вами описано – это так называемая общая исповедь, которая совершается в некоторых приходах из-за очень большого наплыва людей, потому что, к сожалению, люди зачастую приходят в церковь только по большим праздникам. Поэтому если Вы действительно хотите серьезно исповедоваться, то подойдите к священнику и договоритесь о том, что он Вас примет в будний день, когда в храме мало народу, чтобы Вы имели возможность спокойно подойти к нему и все рассказать. Тогда Вы действительно получите облегчение.

Вопрос: Я регулярно хожу в храм, исповедуюсь, причащаюсь. Священник, который исповедует, и духовник – это одно и то же?

Митрополит Иларион: Как правило человек исповедуется у того священника, который исповедует за конкретной службой. Если это многоштатный приход, если в приходе несколько священников, то не всегда Вам удастся исповедоваться именно у того священника, у которого Вы хотите. А духовник – это человек, к которому Вы постоянно приходите, причем не только на исповедь, но и за советом.

Духовник – это человек, с которым Вы лично хорошо знакомы, который Вас знает и ведет по жизни. Это как своего рода лечащий врач, как персональный врач, который Вас знает. То же самое, если у Вас есть духовник, который Вас наблюдает в течение долгих лет, который знает все Ваши недостатки, знает Ваши грехи и помогает Вам преодолеть в себе все то, что Вы сами хотите в себе преодолеть.

Я хотел бы в завершение этой передачи напомнить вам, дорогие братья и сестры, слова Господа Иисуса Христа, которые говорят нам о важности регулярно причащаться Святых Христовых Таин: «Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6. 56).

Желаю вам всего доброго и да хранит вас всех Господь.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/48301/